

Тридцатое число. Пасмурно, переменная облачность — так обещал прогноз погоды. Врал, как всегда: с неба уже сеялась мелкая морось.

Осенний холодный фронт нагрянул без предупреждения. Промозглый дождь заставил Чжоу У, сидевшего в машине, плотнее закутаться в шарф. Лицо — маленькое, аккуратное, белое до фарфоровой бледности — почти целиком скрылось под тканью. Миндалевидные глаза вяло щурились — ни капли бодрости.

Обычно Чжоу У не укачивало, но дорога оказалась такой разбитой, что машину трясло и подбрасывало без остановки. Его замутило — и он снова перегнулся пополам.

После того как желудок опустел, стало полегче. Жить можно.

Чжоу У окончил факультет дикторского мастерства в этом году и среди толпы соискателей сумел выделиться, получив должность ведущего в одной из интернет-программ. Изначально он целился в радиоведущие, но директор канала, оценив его внешность, мигом перебросил на сетевое шоу.

Программа была не развлекательной — ни остроумия, ни импровизации не требовалось. Достаточно было чёткой дикции, фотогеничного лица и сообразительности.

При росте метр восемьдесят Чжоу У когда-то попал в список кандидатов на звание «первого красавца университета». Его фото в стилизованном под старину костюме до сих пор висело в топе студенческого форума: светлая кожа, алые губы, белоснежные одежды — воплощение утончённого юноши из древности.

С внешностью у него проблем не было.

За месяц стажировки — отличные отзывы, рост рейтингов, лавинообразный прирост подписчиков в Вэйбо. Всё шло как нельзя лучше.

Вероятно, именно поэтому кое-кто из старших коллег положил на него глаз. Когда стажировка закончилась, этот «наставник» — неизвестно каким зельем опоив заместителя директора — добился того, чтобы Чжоу У перевели в отдел «Диковинных историй».

Эта группа мотались по закоулкам и деревням, лазали по горам — это было в порядке вещей. Вся чёрная работа доставалась им. Программа выходила в ночном эфире, робкие зрители боялись смотреть, рейтинги — так себе. Слишком уж нишевый формат.

— Он точно завидует, что ты красивый, — не удержался и шепнул однокурсник-коллега У Яо.

Худощавый Чжоу У буквально утопал в своём пальто. Пальцы на ногах онемели от долгого сидения, кондиционер в машине еле дышал, и весь он дрожал мелкой дрожью — жалкое

зрелище.

Чжоу У глубокомысленно кивнул:

— А может, он польстился на мою красоту и хочет продать меня в горную глушь.

У Яо вытаращил глаза, задумался и вдруг выдал с абсолютно серьёзным видом:

— А ведь не исключено! С нашей-то внешностью на нас вполне может быть спрос. Ну, там, дочка вождя племени, жених-наложник в горном разбойничьем гнезде...

Чжоу У: «...»

Он всего лишь пошутил. А теперь ему как-то не по себе.

Впрочем, даже оказавшись в чужой команде, Чжоу У намеревался подойти к делу максимально профессионально. Как-никак, это его первый самостоятельный проект — его дебют.

— Глушь, дороги — жуть, трясёт так, что кишки наружу, и, что самое паршивое, я привидений боюсь! — простонал У Яо, запрокинув голову на спинку сиденья.

Всю оставшуюся дорогу он ныл без перерыва, под конец даже поинтересовался, нет ли где поблизости магазина с подгузниками.

Старшая по реквизиту Ван-цзе обернулась и предложила одолжить ему женские гигиенические принадлежности.

У Яо — надо отдать ему должное — раздумывал над этим секунд пять.

Чжоу У решил, что этот тип безнадёжен.

Он глянул на карту в телефоне: ещё несколько горных перевалов, четыре часа езды.

Бог свидетель — они уже шесть часов в пути, пересекли две горные гряды, а после высадки из машины им ещё полчаса топать пешком. И что же за мифическая древняя деревня ждёт их в конце этого пути?

Чжоу У ощутил острое любопытство.

— Дай-ка мне материалы, — сказал он, почувствовав себя чуть лучше. — Врага нужно знать в

лицо — быстрее домой вернёмся.

Свадебные обычаи этой деревни не походили ни на что из того, что Чжоу У знал о любом другом регионе.

У Яо повернулся к нему и протянул стопку:

— Держи, фотографии.

Чжоу У взял фото — и сон как рукой сняло. По тыльной стороне ладони побежали мурашки.

Снимки были тусклые, слегка размытые — света не хватало, а общая цветовая гамма отдавала давящей серостью.

На них несколько пар — женихи и невесты — в старинных свадебных нарядах: невесты в расшитых головных уборах-фэнгуань и парчовых накидках-сяпэй, женихи — в красных праздничных халатах. Все они шли парами в колонне, плечом к плечу, по узким старинным переулкам.

Ярко-алые фонари были подвешены высоко, тянулись вереницей вдоль мощёных каменных улочек. Через каждые несколько метров стояли люди в старинных длинных халатах с длинными трубами-сонá в руках.

Побывавший там раньше коллега рассказывал, что мелодию, которую те играли, он не слышал никогда в жизни.

Лица невест скрывали красные покрывала. Но даже так в них чудилось что-то странное. Лица женихов и вовсе было не разобрать — черты расплывались в мутном тумане.

Чжоу У успел бросить пару взглядов и поспешил отвернуться, переключившись на другие материалы. В глубине души шевельнулся необъяснимый страх.

Дальше шла подробная справка о деревне, но, как ни странно, о местных обычаях — почти ни слова. В итоге он разобрался только с рельефом: котловинный тип местности.

— Говорят, жители там в основном с крутым нравом и говорят на хакка, — раздался голос режиссёра Хэ Хая с переднего сиденья. — Общаться будет непросто. Задача у нас сложная.

— Чего бояться? Есть старая поговорка: за деньги и чёрт жернова крутит. Никуда не денутся, согласятся, — подхватил кто-то другой.

Оператор простодушно ухмыльнулся:

— У нас что, в этот раз бюджет приличный?

Чжоу У ещё какое-то время вчитывался в документы, но от мелкого шрифта начала кружиться голова, и он не решился продолжать. Лучше закрыть глаза и подремать.

За окном небо постепенно темнело. Машина петляла по горному серпантину; вдалеке белёсая дымка обвивала извилистую дорогу, уводившую в глубь горных хребтов.

Пейзаж по обеим сторонам — однообразный, как под копирку. Чжоу У вытащил телефон и обнаружил, что сигнал жалобно мигает последней единственной палочкой.

Он уже собирался убрать телефон, когда боковым зрением уловил за окном тёмный силуэт — мелькнул вдоль обочины и исчез.

Чжоу У машинально обернулся, всматриваясь в дорогу по обе стороны. Ни единого пешехода.

— На этой дороге ещё бывают прохожие?

— Быть не может. Местные по этой дороге не ходят — она только для машин. Пешком они срезают по горным тропам — быстрее и короче.

Значит, показалось.

После заката на стыке двух горных хребтов, словно из ниоткуда, возникла маленькая забегаловка. Вокруг — ни деревни, ни села; единственное место, где можно перевести дух.

У входа стояло несколько машин — все, похоже, думали одинаково.

Вылезая из машины, Чжоу У присел на корточки у обочины — его снова вывернуло кислой жижей. Откуда-то донёсся голос:

— Тц, хлюпик. Как он вообще собирается работать в группе? Не пойму, что там заместитель думал. Ещё нянчиться с ним, мне только этого не хватало.

Другой голос подхватил:

— Ну ты и здоровяк бессердечный. Где твоя любовь к маленьким зверушкам?

Маленьким зверушкам??

Чжоу У обернулся. Говоривший оказался их звукооператором — высокий, худой, в очках.

— Где? Где тут зверушки? — «Здоровяк» вдруг что-то сообразил, покосился на Чжоу У, и выражение его лица стало каким-то странным. Он даже слегка кивнул — куда приветливее, чем раньше.

Очкарик, поймав на себе взгляд Чжоу У, оскалился ему в широкой улыбке.

Будь у Чжоу У хоть немного сил, он бы подошёл и цапнул их обоих.

Но сил не было, поэтому он лишь покорно поплёлся за У Яо внутрь — искать еду.

Слегка увядший Чжоу У, дождавшись блюд, набросился на холодные закуски — те, что поострее, для аппетита, — проглотил несколько кусков, потом залпом выпил полкружки горячей воды — и наконец ощутил себя живым.

Режиссёр Хэ Хай подозвал девушку, принёсшую тарелки.

— Девушка, — улыбнулся он самой обаятельной из своих улыбок, — скажи, за следующим перевалом есть деревня Чжаоцин? У вас там знакомые имеются?

Девушка подошла, чёрными бусинками глаз пробежалась по всей компании.

Чжоу У поднял взгляд — и случайно столкнулся с ней глазами. Может, показалось, но её взгляд задержался на нём чуть дольше, чем на остальных.

Снова это неприятное чувство. Чжоу У не стал вступать в разговор — опустил голову и уткнулся в тарелку с закусками.

Девушка заговорила на слегка корявом путунхуа:

— А чо, у меня родня в той деревне есть. Вам-то зачем?

Хэ Хай обрадовался, выудил красный конверт и протянул ей — мол, хотят зайти в деревню поснимать, раньше не получалось, и теперь нужен кто-то из местных в провожатые.

Девушка помяла конверт пальцами и расцвела:

— Ну, это-то ерунда. Только сейчас в деревне дела большие. Если прямо сейчас поедете — неудобно может выйти.

Увидев, что конверт принят, Хэ Хай произнёс:

— Мы как раз ради этого и приехали.

В этой деревне существовал обычай: раз в год, в определённое время, устраивалась массовая свадьба. Много — так пар пятнадцать, мало — семь-восемь. И все — местные жители.

Но была одна странность. Если все браки заключались только между жителями деревни — полное «самообеспечение», внутренние сватовства, — то за столько лет кровное родство неизбежно стало бы, мягко говоря, щекотливой проблемой.

В таких условиях следовало ожидать высокий процент детей с врождёнными аномалиями.

Однако прошлая съёмочная группа ничего подобного не обнаружила. Значит, система не была полностью замкнутой.

Услышав, что они приехали именно за этим, девушка нахмурилась и замолчала. Только когда Хэ Хай извлёк второй конверт — потолще, — она наконец сказала:

— Пойду спрошу маму.

Через некоторое время вернулась:

— Мама говорит, может отвести. Но цена — вдвое. И не вздумайте там бродить где попало.

Хэ Хай тут же согласился:

— Без вопросов!

Когда все блюда оказались на столе, Чжоу У — выблевавший всё до последней крошки и теперь ощущавший гулкую пустоту в желудке — с удвоенным голодом набросился на рис, уткнувшись в тарелку.

Очкарик хмыкнул:

— Вот теперь — вылитый кот из дома у Тигра, тот, что над миской рычит!

Чжоу У, не переставая жевать, невнятно пробубнил:

— Какой кот?

— Ешь помедленнее, подавишься. Никто у тебя не отнимает, — заботливо отозвался тот самый здоровяк, который только что ворчал на Чжоу У.

Чжоу У поднял голову — и тут заметил, что здоровяк снял вязаную шапку. Под ней обнаружилась огромная, блестящая лысина.

В тускловатом желтоватом свете она даже бликовала.

А лысый при этом смотрел на Чжоу У с таким отеческим участием, что тот едва не подавился.

Кое-как проглотив кусок, Чжоу У выдавил:

— Э-э... закуски тут отличные, аппетитные.

Очкарик сидел рядом и, видя ошарашенное лицо Чжоу У, тихо рассмеялся:

— У Старины Яна дома четыре кошки.

Чжоу У не понял, при чём тут кошки.

У Яо, сидевший рядом, вдруг прозрел, выхватил телефон, пролистал ленту Старины Яна и ткнул экраном Чжоу У под нос:

— Смотри, ничего не напоминает? Вот этот рэгдолл?

Чжоу У глянул и покачал головой:

— Нет, не видел такого.

Уж кошек-то Чжоу У — заядлый кошатник — различать умел. Лицевая слепота ему не грозила.

У Яо ткнул пальцем в Чжоу У, потом поднёс телефон к его лицу для сравнения:

— Одно лицо! Реинкарнация кошачьего божества!

Чжоу У: «...»

Он не мог вообразить, что у лысого реквизитора дома живут такие пушистые милахи. А тот, услышав фразу очкарика, теперь и правда смотрел на Чжоу У так, словно перед ним сидел котёнок.

Вот это — «стальной мужик с нежным сердцем»!

Соседи по столу, услышав разговор, подтянулись поближе. Посмотрели фото:

— Слушай, и правда похож. Прямо потискать хочется.

И все как один обратили на Чжоу У взгляды умилённых отцов.

Чжоу У: «...»

Ладно, если это поможет влиться в коллектив — не самая страшная цена.

После ужина компания отдохнула в зоне ожидания. Когда с ужином было покончено, девчонка вышла из кухни, вытерла руки и села к ним в машину.

Салон ещё не прогрелся, кондиционер барахлил и не давал толком тепла. Чжоу У ничего не оставалось, как забиться в угол и свернуться калачиком.

Минут через пятнадцать езды навигатор, до этого говоривший чётко и внятно, вдруг начал заплетаться — будто кто-то ошпарил ему язык кипятком.

Чжоу У высунулся:

— Что случилось?

Хэ Хай бросил взгляд на экран и спокойно ответил:

— В прошлый раз то же самое было. За этим хребтом вышек мало, да и те старые. Связь — отвратительная, сообщение пробивается раз в час, если повезёт.

Чжоу У достал телефон — последняя палочка сигнала. Пока он смотрел на экран, исчезла и она.

Серая лента дороги, петляющая меж тёмно-зелёных гор, казалась канатом, уводящим в другой мир. Кроме асфальта — ни единого следа человеческой цивилизации.

Дождь усилился. Мир подёрнулся призрачной дымкой тумана.

Бледное от укачивания лицо Чжоу У делало его тёмные глаза ещё чернее, ещё ярче. Иногда в них наворачивалась рефлекторная влага — и тогда они блестели, будто мокрый обсидиан.

Лысого звали Ху Юй — «Тигр», и имя подходило ему как нельзя лучше.

В вязаной шапке он, правда, выглядел куда менее грозно.

Недаром пересадка волос стоит целое состояние.

— Попей горячего, — он протянул Чжоу У свой термос.

Чжоу У растрогался, принял и послушно поблагодарил:

— Спасибо, Тигр-гэ.

После нескольких глотков горячей воды окоченевшее тело начало понемногу оттаивать. Он уже собирался вернуть термос, как вдруг боковым зрением уловил нечто — и на мгновение окаменел.

Локтем толкнул У Яо в плечо:

— Нас всего сколько человек приехало?

У Яо уже почти провалился в сон и, не разлепляя глаз, пробормотал:

— С тобой — семеро.

Чжоу У почувствовал, как пересохло во рту. Ему показалось, что он видит девять силуэтов.

Он уже открыл рот, чтобы сказать — но перед глазами рябануло, как будто то, что он увидел секунду назад, было миражом. Восемь человек спокойно сидели на своих местах, каждый занят своим делом.

Он протёр глаза. Всё ещё восемь.

Наверное, устал.

Вернул термос Ху Юю, посмотрел на телефон — сигнала нет, одна надпись «Нет сети». Выключил телефон, привалился к У Яо плечом — и оба заснули.

— Скоро приедем, — сквозь полудрёму донёсся холодный голос.

Чжоу У промычал что-то невнятное. Попытался разлепить веки — тяжёлые, словно свинцовые. Не вышло.

Голос сказал:

— Выпей.

С усилием он приоткрыл глаза — узенькая щёлочка. Бледные, длинные пальцы держали кружку за ручку и протягивали ему. Над горячей водой курился лёгкий пар.

Горячий поток скользнул по горлу вниз — и стало заметно легче.

— Спасибо... — пробормотал Чжоу У и снова погрузился в темноту.

Его растормошили — и он с трудом разлепил глаза. Всё тело — ледяное, в груди застыл ком воздуха, и только верхняя половина туловища хранила остатки тепла. Дышать было тяжело. Ноги ниже колен — сплошная мягкая вата.

Когда он наконец открыл глаза, над ним склонились У Яо и очкарик. На их лицах — искренняя тревога.

— Ну слава богу, очнулся! Ты как, нормально?

Чжоу У, одурелый со сна, долго не мог собраться с мыслями:

— Нормально... А что случилось?

— Что-что — приехали! Дальше полчаса пешком по горной тропе.

Эти слова подействовали как ведро ледяной воды. Чжоу У мгновенно пришёл в себя, и онемение стало постепенно отпускать.

Он ещё долго сидел на месте, приходя в чувство, прежде чем ощутил, что снова в состоянии двигаться.

<http://bllate.org/book/22494/2373443>